

10. Соболев П.В. Эстетика Белинского. М., 1978.

11. Цветкова Н.В. С.П. Шевырев – критик, историк и теоретик литературы (1830-е годы) : моногр. Псков, 2008.

12. Шевырев С. Итальянские впечатления. СПб., 2006.

13. Шевырев С. История русской словесности. М., 1859. Ч.1.

*The novel by E.Sue “Mathilde”
in the assessment of S.P.Shevyrev
and V.G.Belinsky*

There are analyzed the critical assessments of the novel by E.Sue, given by S.Shevyrev and V.Belinsky – social antagonists, who used in the 1840s the common methodology in the approach to fiction works; there are considered the philosophical and aesthetic positions of critics, which determine their conclusions.

Key words: S.P.Shevyrev, V.G.Belinsky, method of criticism, aesthetics, philosophy, critical assessment.

Я.В. САМОХВАЛОВА
(Волгоград)

**СПЕЦИФИКА ИЕРАРХИИ
МИФОЛОГЕМ В
БИОГРАФИЧЕСКОМ МИФЕ
Н.С. ГУМИЛЁВА**

Выделяются ключевые мифологемы, входящие в состав гумилёвского биографического мифа. Прослеживается гибкость иерархической структуры многокомпонентного гумилёвского мифообраза. Устанавливается обусловленность доминирования какой-либо одной из мифологем событийным контекстом. Формирование легенд о расстреле Н. С. Гумилёва рассматривается как экстраполяция биографического мифа в ключе, заданном давлением мифоканона.

Ключевые слова: Гумилёв, миф, мифологизация, мифологема, биографический, интерпретация.

Существенной частью биографического мифа Гумилёва является миф автобиографический, творившийся поэтом декларативно и весьма тщательно. «Разве не хорошо сотворить свою жизнь, как художник творит картину, как поэт создает поэму?» – писал Гумилёв в 1908 г. В. Н. Арнс [4, с. 62]. Декларативность эта от внимания современников не ускользала: «Гумилёв говорил, что поэт должен “выдумать себя”. Он и выдумал себя, настолько всерьез, что его маска для большинства его знавших (о читателях нечего и говорить) стала его живым лицом», – вспоминал Г. Иванов [8, с. 462]. О живом лице говорил и А. И. Павловский: «Гумилёв был поэтом, сотворившим из своей мечты необыкновенную, словно сбывшийся сон, но совершенно подлинную жизнь. Он мечтал об экзотических странах – и жил в них; мечтал о немисливо-ярких красках сказочной природы – и наслаждался ими воочию; он мечтал дышать ветром моря – и дышал им. Из своей жизни он, силой мечты и воли, сделал яркий, многокрасочный, полный движения, сверкания и блеска поистине волшебный праздник» [10, с. 6–7]. Это лишь немногие свидетельства в ряду аналогичных, из чего мы можем заключить, что автобиографический миф творился Гумилёвым вполне успешно.

П.В. Паздников, исследуя мифопоэтический аспект гумилёвской лирики, особо останавливался на том, что «...авторский миф не был неизменной и постоянной величиной (курсив мой. – Я.С.) в творчестве Гумилёва. Здесь возникает проблема эволюции авторского мифа, как своего рода “миропонимания”» [11, с. 8–9]. Разумеется, любой исследователь, затрагивающий в своей работе обозначенную проблему, закономерно обращается к стихотворению Н.С. Гумилёва «Память»: последовательность «“колдовской ребенок” – “поэт” – “мореплаватель и стрелок” – “воин” – “угрюмый и упрямый зодчий”» стала своеобразным «общим местом» для большинства биографов, вплоть до того, что строками из «Памяти» озаглавливают целые параграфы [6]. Хотя фактографии подобная маркировка этапов эволюции автобиографического мифа не противоречит, результатом становится предельная стереотипизация гумилёвского образа: второстепенные факты отсекаются, исключаются из массового сознания – и остается канва, набор узловых моментов, по которым миф экстраполируется в соответствии с заданным раз и навсегда вектором. Созданные таким образом в биографии «лакуны» становятся полем для бесчисленных вариантов более или менее мифологизированных интерпретаций, в полном соответствии с наблюдением М.Н. Эпштейна: «... миф не любит лгать, не любит уклонять-

ся от прямой стези правды, и лишь когда факты отсутствуют или противоречат друг другу, – тогда он берется за дело. Миф очень чувствителен, даже обидчив: если ему показывают на гору материалов, он говорит – ну что ж, верьте материалам, отворачивается и замолкает навсегда» [15, с. 412]. Отсюда и некое противоречие: стереотип инварианта – и порой кардинально различающиеся авторские трактовки образа в целом и отдельных его аспектов. «Сколько поводов для недоумений, споров, острых разногласий! Ведь у каждого – свой Гумилёв» [6, с. 6] – так звучит А. Давидсон проблему, хорошо знакомую пушкинистам и лермонтоведом, хотя и обусловленную несколько иными причинами.

В нашем представлении, специфика эволюции гумилёвского автобиографического мифа заключалась в том, что формирование новой мифологемы не отменяло предыдущей, а лишь обогащало мифообраз, временно перестраивая иерархию, но не закрепляя жестко новообразованную структуру. Последовательное освоение поведенческих моделей вело к их *накоплению*, а не к взаимообусловленной трансформации и выработке некой итоговой. В зависимости от ситуации доминирующей становилась какая-либо одна модель, и стереотипизация поведения в соответствии с поведенческим каноном способствовала кристаллизации очередной мифологемы в восприятии современников. Однако смена ситуации вела и к смене мифологемы, что определяло иерархическую гибкость сложного многокомпонентного мифообраза Николая Гумилёва.

Обусловленность смены ключевой мифологемы событийным контекстом отмечал В.В. Бронгулеев: «В России он всегда оставался поэтом. В Европе, особенно в таких странах, как Италия и Франция, становился почти набожным ценителем искусств. На Ближнем Востоке из рафинированного эстета превращался в странствующего пилигрима, а иногда и в полунищего дервиша. В Абиссинии перед нами предстал уже профессиональный охотник и в какой-то мере этнограф. Если же к сказанному добавить, что во второй половине жизни, на полях войны, тот же человек сделался бесстрашным кавалеристом-разведчиком, чью грудь “святой Георгий тронул дважды”, то картина метаморфоз его личности станет еще более впечатляющей» [2, с. 9].

Традиционно выделяемые мифологемы «Поэта», «Путешественника» и «Воина» репрезентируются как ключевые в «гумилёвском мифе» несравненно чаще, чем выделенные дополнительно Т.В. Тадевосяном [13,

с. 9] мифологемы «Повелителя», «Любовника» и «Мага», именно в силу того, что для их перемещения во главу иерархической структуры мифа требуется специфический событийный контекст – либо опротестовываемый конкурентами (например, вопрос о педагогическом и организаторском таланте Гумилёва), либо слишком интимный для открытого всеобщего обсуждения, либо принципиально неподтверждаемый (например, юношеская попытка вызвать Дьявола). С определенной степенью вероятности можно утверждать, что наблюдаемая в современной фантастике актуализация мифологемы «Мага» обусловлена во многом именно большей *свободой в управлении событийным контекстом*, характерной для данного направления.

На основную причину подчеркнуто серьезного отношения Н.С. Гумилёва к освоению кристаллизующихся в мифологемы поведенческих стратегий указывал П. В. Паздников: «...Гумилёв чувствует себя медиатором, улавливающим вибрации и корреляции бытия (как “бездны времен”) и слова. А главной своей задачей – задачей Поэта – видит функцию посредника. Он должен собрать потерянное знание, найти Слово (оживить его) и донести его до последующих поколений. Тем самым, Гумилёв вплотную подходит к формированию “мифа о поэте” и его пророческой миссии» [11, с. 154]. В данном случае речь идет не только о Слове: одной из главных задач Поэта, выступающего в роли *культурного героя*, является трансляция обществу *образцов героического поведения*. Однако малейшее отклонение героя от кодифицированной в мифе поведенческой модели обесценивает процесс подобной трансляции. Осознанная необходимость постоянно поверять жизнь Словом, а Слово – жизнью закономерно сформировала отмеченное К.И. Чуковским у Н.С. Гумилёва «чувство необычайной почтительности, с которым он относился к поэтам и раньше всего к себе самому, как к одному из носителей этой могучей и загадочной силы» [14, с. 136]. Об этом же говорил А. Амфитеатров: «Гумилёв и почитал себя, и был поэтом не только по призванию, но и, так сказать, по званию. Когда его спрашивали незнакомые люди, кто он таков, он отвечал – “я поэт” – с такой же простотой и уверенностью официальной обычности, как иной обыватель говорит – “я потомственный почетный гражданин”, “я присяжный поверенный”, “я офицер”. Поэзия была для него не случайным вдохновением, украшающим большую или меньшую часть жизни, но всем ее существом» [1].

Неудивительно, что мифологема «Поэта» в гумилёвском автобиографическом мифе, как правило, возглавляла иерархию, лишь изредка под давлением обстоятельств уступая место мифологеме «Воина» или «Путешественника». Хотя сам Гумилёв и утверждал: «Я люблю избранника свободы, / Мореплавателя и стрелка» (и ему вторила Ахматова: «...очень любил в себе путешественника и хотел, чтобы другие видели его в этой ипостаси» [5, с. 15]), в процессе формирования автобиографического мифа мифологема «Путешественника» оставалась ключевой сравнительно недолго, уступая мифологеме «Воина», что было обусловлено событийно-историческим контекстом эпохи.

Формирование автобиографического мифа было «подытожено» расстрелом возле Бернгардовки, инициировавшим дальнейшее формирование биографического мифа в строго определенном ключе. «Не только дефицит информации о гибели Гумилёва был причиной создания многочисленных легенд. Сама литературная репутация поэта подталкивала мемуаристов признать Гумилёва участником контрреволюционного заговора. Литературная биография Гумилёва сложилась так, что “смерть от рук тиранов” оказалась естественным завершением судьбы “мореплавателя и стрелка”» [9] – эти слова А. Мирошкина свидетельствуют о том, что давление мифологического канона осознавалось предельно четко. Еще категоричнее звучит формулировка А. Подковальниковой: «...все детали романтического образа четко укладывались в заранее подготовленную схему: отважный путешественник и герой войны просто не мог не стать героем антибольшевистской борьбы. В итоге – смерть Гумилёва в восприятии современников явилась очередным трагическим этапом российского противостояния поэта и тирана и осмыслялась уже не в качестве исторического факта, но факта литературного» [12, с. 15]. Именно тому, что инвариант гумилёвского автобиографического мифа прочно вошел в сознание современников, и обязан комплекс легенд, посвященных последним минутам Н.С. Гумилёва. Это и гордый отказ от возможного спасения: «Здесь нет поэта Гумилёва, здесь есть офицер Гумилёв!» [7, с. 8], и ставшие уже хрестоматийными фразы С.П. Боброва, известные из его разговора с М.Л. Лозинским: «Шикарно умер... Улыбался, докурил папиросу... даже на ребят из особого отдела произвел впечатление... крепкий тип. Мало кто так умирает» [7, с. 14], и свидетельство якобы подобравшегося тайком к месту расстрела садовника, известное нам со слов В.А. Павлова в записи Л. Гор-

нунга: «... всю партию поставили в один ряд. Многие мужчины и женщины плакали, падали на колени, умоляли пьяных солдат. Гумилёв до последней минуты стоял неподвижно» [3, с. 458].

Обратим внимание: достоверных свидетельств нет, ни один из рассказов «очевидцев» не может быть документально подтвержден. Но *никто* из современников не сомневался, что иначе умереть Гумилёв не мог. Канон сформировавшегося биографического мифа не допускает поведенческих отклонений. Миф не *измысливается*, а *домысливается* в заданном ключе, *экстраполируется*. Отсюда, при расхождении в сопутствующих деталях, такое выраженное сходство в описании самого главного – спокойного мужества приговоренного поэта.

А.Б. Давидсон цитирует мнение Георгия Иванова: «...В сущности, для биографии Гумилёва, такой биографии, какой он сам себе желал, – трудно представить конец более блестящий» [6, с. 385]. Так или иначе, но трагическая гибель в 35 лет позволила соблюсти одно из важнейших условий формирования писательского биографического мифа – «недоволенность», неполную реализованность в литературе (тем самым частично актуализировав финально-биографическую параллель с Пушкиным и Лермонтовым) – и при этом задала событийный контекст, надолго обеспечивший устойчивое доминирование в многокомпонентном мифообразе Николая Гумилёва мифологемы «Воина».

Заслуживает внимания тот факт, что в произведениях современной художественной литературы, содержащих авторские интерпретации «гумилёвского мифа», в качестве ключевой преимущественно репрезентируется мифологема «Путешественника» («Японский городской» Ю.Н. Бурносова, «Эфиоп, или Последний из КГБ» Б.Г. Штерна), реже и довольно своеобразно – мифологема «Поэта» (цикл «Бездна голодных глаз» и роман «Я возьму сам» Г.Л. Олди). Однако единственный известный нам случай постулирования мифологемы «Воина» как ключевой в биографическом мифе Гумилёва не имеет аналогов по детальности проработки образа, и это тем более знаменательно, если учесть, что в авторской версии А.Г. Лазарчука и М.Г. Успенского (роман «Посмотри в глаза чудовищ») расстрел в Бернгардовке для Гумилёва не состоялся...

Литература

1. Амфитеатров А.В. Мое участие в «заговоре» с Гумилёвым // Сегодня. 1931. № 253. 13 сент. URL : http://dugward.ru/library/gumilev/amfiteatrov_zagovor_gumilev.html.

2. Бронгулеев В. В. «Посредине странствия земного...». Документальная повесть о жизни и творчестве Николая Гумилёва. 1886 – 1913 гг. М. : Мысль, 1995.

3. Гумилёв без глянца / сост., вступ. ст. П. Фокина. СПб. : Амфора. ТИД Амфора, 2009.

4. Гумилёв Н.С. Из письма В.Е. Арена, 1 июля 1908 г. // Николай Гумилёв. Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких / В.К. Лукницкая. Л. : Лениздат, 1990.

5. Давидсон А.Б. Муза странствий Николая Гумилёва. М. : Наука: Изд. фирма «Восточная литература», 1992.

6. Давидсон А.Б. Николай Гумилёв. Поэт, путешественник, воин. Смоленск : Русич, 2001.

7. Зобнин Ю.В. Казнь Николая Гумилёва. Разгадка трагедии. М. : Яуза: Эксмо, 2010.

8. Иванов Г.В. О Гумилёве // Николай Гумилёв глазами сына / О.Н. Высотский; сост. Г.Н. Красникова, В.П. Крейда; авт. предисл. Г.Н. Красников; авт. коммент. В.П. Крейд. М. : Мол. гвардия, 2004.

9. Мирошкин А. Смерть Н. С. Гумилёва как литературный факт // Николай Гумилёв: электрон. собр. соч. URL : <http://gumilev.ru/biography/22>.

10. Павловский А.И. И терн сопутствует венцу... // Капитаны / Н.С. Гумилев. Н. Новгород, 1991.

11. Паздников П.В. Мифопоэтическая концепция слова и творчества в поэзии Н. Гумилёва : дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Пермь, 2003.

12. Подковальникова А.С. Литературно-эстетические взгляды Н.С. Гумилёва : дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Ростов н/Д., 2001.

13. Тадевосян Т.В. Мифологема героя в поэтическом творчестве Н.С. Гумилёва : дис.... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2008.

14. Чуковский К.И. Воспоминания о Н.С. Гумилёве // Жизнь Николая Гумилёва. Л., 1991.

15. Эпштейн М. Н. Постмодерн в русской литературе. М. : Высш. шк., 2005.

Specificity of mythologem hierarchy in the biography myth of N.S. Gumilev

There are sorted out the key mythologems, which are included into Gumilev's biography myth. There is traced the flexibility of the hierarchical structure of multi-component Gumilev's mythological image. There is stated the conditionality of dominating of some mythologem by an event-trigger context. Legend formation about the shooting of N.S. Gumilev is regarded as extrapolation of the biography myth in the vein given by myth canon pressure.

Key words: *Gumilev, myth, mythologization, mythologem, biographical, interpretation.*

С.А. КОЛЕСНИКОВ
(Белгород)

ПАРАМЕТРЫ КОНЦЕПЦИИ ЛИЧНОСТИ АНДРЕЯ БЕЛОГО В ОСМЫСЛЕНИИ В.Ф. ХОДАСЕВИЧА

Представлены основные положения концепции личности Андрея Белого в построениях В.Ф. Ходасевича. В основание его концептуальной позиции в оценках личности А. Белого положен оригинальный методический принцип, обозначаемый как «эмпатический», т. е. предполагающий максимальное сближение экзистенциального опыта позиции биографа и исследуемого писателя.

Ключевые слова: *А. Белый, В. Ходасевич, символизм, Серебряный век.*

Раскрыть сложную диалектику культуры Серебряного века, процессы, формирующие неповторимое своеобразие эпохи рубежа веков, невозможно без понимания причудливо переплетающихся траекторий личностных концепций, создающих атмосферу «жизненного мира» того времени. Трансформации, происходящие с эпохой эсхатологических «страхов и ужасов» (О. Шпенглер), напрямую соотносятся с преобладающими в сознании русского общества стратегиями взаимоотношений личности и реальности. Именно концептуальное видение личности может стать тем уникальным ориентиром, который позволит найти культуро- и литературообразующие доминанты, сводящие в единую синтетическую целостность то «вывихнутое время» (К.А. Свасьян). И здесь на первый план выходят стремления деятелей культуры рубежа XIX–XX вв. создать концептуальные парадигмы, дающие продуктивные системы ценностей и основанные на личностном анализе.

Представляется, что особый вклад в осмысление эпохи с позиции личностного подхода внес В.Ф. Ходасевич, создавший комплексную концепцию творческой личности на основе пронизательного изучения векторов биографий современников. Одним из важнейших результатов мемуарно-исторической деятельности В.Ф. Ходасевича можно считать построение «собственной иерархии русских писателей», в которой одним из главных структурообразующих принципов являлись «роль и